

Затем министры один за другим выходили вперёд, устно обещая выделить серебро и зерно. Старый император махнул рукой, давая знак заранее подготовленному чиновнику записывать всё на бумаге, а сам, размеренно шагая, вернулся к трону, нахмурил брови и стал внимательно слушать.

После чиновников настала черед наложниц и императорских наследников. Когда вышла наложница Дуань, внезапно вспыхнул холодный свет, устремившийся прямо в старого императора.

Стул с резким скрежетом проехал по полу. Старый император рефлекторно отшатнулся назад вместе со креслом.

Рукав наложницы Дуань быстро метнулся в сторону, и один за другим из него вылетели стрелы, отлитые из холодного железа, нацеленные прямо в старого императора.

Всё это произошло в одно мгновение. Наложница Дуань стояла слишком близко к старому императору, и присутствующие лишь инстинктивно подняли глаза, как первая стрела с ледяным блеском уже оказалась у самого его переносица.

Почти в ту же секунду, когда были выпущены железные стрелы, другой, ещё более быстрый зелёный свет устремился вдогонку, а затем раздались звания successive ударов. Эхо разнеслось по огромному безмолвному залу, повторяясь круг за кругом и проникая прямо в сердца всех присутствующих.

Цзин Жань сжала пальцы, наблюдая, как нефритовый перстень с изумрудным отливом, выскользнувший из рукава Чжансунь Циму, последовательно накрыл три стрелы, выпущенные наложницей Дуань, и отбил их в сторону.

Взгляды всех упали на перстень со стрелами, лежащие на полу, а рядом тихо покоилась нефритовая подвеска с фиолетовым шнурком.

Расширенные зрачки старого императора резко сузились. Его лицо, ставшее серым и напряжённым, лишь чуть расслабилось, как наложница Дуань с острой золотой шпилькой в руке уже снова бросилась на него.

Сердца всех снова замерли в горле. Пэй Цзинсун, который вспрыгнул с места в тот момент, когда наложница Дуань вскинула рукав, уже подлетел к ней и рванулся хватать её руку со шпилькой.

В искрах молний раздался сухой хруст ломающейся кости. Рука наложницы Дуань неестественно вывернулась в руках Пэй Цзинсуна, а золотая шпилька, предназначавшаяся для старого императора, вонзилась ей прямо в левую сторону груди.

Глаза Цзин Жань сузились. Чёрные, как туши, густые брови Пэй Цзинсуна слегка сдвинулись, он с легким удивлением разжал пальцы. Тело наложницы Дуань бессильно рухнуло на пол. Она из последних сил смотрела на подбежавшую Чжансунь Цичунь, приоткрыла рот, словно желая что-то сказать, но так и не проронив ни звука, закрыла глаза.

Все в зале были настолько потрясены чередой событий, что долгое время никто не мог шевельнуться. Глубоко нахмурился и старый князь Дэцин.

Чжансунь Циму в длинном зелёном платье стояла неподвижно, словно живописное полотно. Её глубокие и ясные глаза были похожи на густую тёмную ночь за окном — спокойные, но в

таились непроницаемой глубине.

Лицо старого императора, всё это время остававшееся напряжённым, меняло выражение. Его острый, как у орла, взгляд не выдавал никаких эмоций. Помолчав немного, он произнес:

— Пусть перенесут тело наложницы Дуань во дворец Дуаньи и похоронят в подходящий день.

Сразу же во двор вошли слуги, но, увидев наложницу Дуань, которую Чжансунь Цичунь крепко прижимала к себе, они растерялись и не знали, что делать.

— Восьмая принцесса будет временно заключена под стражу в родовом... — старый император прищурился, задумчиво глядя на Чжансунь Цичунь.

Цзин Жань моргнула, опустив ресницы, чтобы скрыть насмешливый блеск в глазах. Значит, у старого императора уже появились подозрения.

— Отец-император! — вдруг раздался голос Чжансунь Циму, которая до этого стояла неподвижно. Её глаза, словно рассеяв туман, засияли. Она перебила старого императора:

— Родовой храм давно не ремонтировался, этой зимой он не выдержал тяжести снега, и на юго-западном углу появились трещины. Я уже поручила Министерству работ заняться ремонтом.

В сердцах министров проскользнуло легкое удивление. Было очевидно, что попытка убийства императора Юэ наложницей Дуань как-то связана с недавним выкидышем драгоценной наложницы Ли. И вот девятая принцесса, которая всегда держалась особняком, вдруг вмешалась, явно желая защитить Чжансунь Цичунь.

Цзин Жань тоже подняла глаза. Её чистый и ясный взгляд пересёк огромный зал и остановился на Чжансунь Циму. На мгновение ей показалось, что она ухватила какую-то нить, но ощущение тут же ускользнуло.

Старый император помолчал, не проявляя гнева из-за прерванного указа, а продолжил в том же духе:

— В таком случае, пусть она остается под арестом во дворце Дуаньи.

— И вам больше не нужно стоять, все свободны.

Старый император, словно постаревший на десятки лет за один день, при вставании слегка покачнулся, но удержал выражение лица и устало махнул рукой.

Министры переглянулись, полные догадок и тревоги, и склонились в почтительном поклоне.

Императрица, всё это время сидевшая молча, окинула взглядом выносимое тело наложницы Дуань и тоже поднялась с места.

Чжансунь Цихун подошёл к передней части зала, поднял нефритовую подвеску с фиолетовым шнурком, взглянул на лежащий рядом изумрудный перстень, наклонился и подобрал и его.

—

Ночь была настолько холодной, что, казалось, из воздуха можно было выжать воду. Цзин Жань с закрытыми глазами прислонилась к слегка покачивающейся стенке кареты, чувствуя то учащённое, то замедленное дыхание старого князя Дэциня.

— Эй, девчонка! Я всё никак не могу понять. Даже если наложница Дуань действительно замешана в деле с выкидышем драгоценной наложницы Ли, зачем ей было так спешить с покушением, да ещё и зная, что успеха не будет?

Старый князь Дэцинь дергал себя за бороду и хмурил брови.

Цзин Жань знала, что он просто рассуждает вслух, и не ответила.

И действительно, старый князь Дэцинь вдруг зашипел:

— А может, у наложницы Дуань была веская причина, или кто-то её заставил?

Цзин Жань внезапно открыла глаза. Она поняла, что это было за ощущение, которое она только что уловила!

— Эй!

Увидев, что Цзин Жань резко открыла глаза и уже собралась выпрыгнуть из кареты, старый князь Дэцинь встревожился, схватил её за край одежды и прикрикнул:

— Ты, девчонка, молчишь, а потом вдруг сорвалась с места! Куда ты так пожаром?

— Возвращайся во дворец один, мне нужно назад, в Баосян! — сказала Цзин Жань, отбивая руку старого князя Дэциня и снова собираясь уйти.

Брови старого князя Дэциня полезли вверх. Он фыркнул, надув щёки:

— Ты смеешь бежать! Ты что-то придумала, да? Оставил меня, старика, одного тут в недоумении!

— Не только тебя одного. То, что ты не можешь постичь, сейчас весь двор, включая старого императора, наверняка ещё гадают.

Цзин Жань была развеселена его словами, её губки тронула улыбка, и она понизила голос:

— Мне правда нужно торопиться. Скажу тебе только одно: та шпилька, что воткнулась наложнице Дуань в сердце, — не дело рук Пэй Цзинсуна, и попала она там не случайно во время борьбы. Наложница Дуань сама воспользовалась инерцией, повернула руку и вонзила шпильку себе в грудь!

Сказав это, Цзин Жань, не обращая внимания на поражённый вид старого князя Дэциня, выпрыгнула из кареты и направилась обратно ко дворцу Цинъюэ.

Но она летела не во дворец Баосян, а в строго противоположную сторону — во дворец Дуаньи.

Дворец Дуаньи, как жилище наложницы, был не слишком большим, но и не маленьким. Цзин Жань издали прищурилась, вглядываясь в тёмный силуэт. Целый отряд, не меньше сотни императорских гвардейцев, уже рассыпался в порядке, окружив дворец плотным кольцом. В густой темноте ночи их серебряные доспехи мерцали холодным блеском при каждом движении.

В душе Цзин Жань усилилась насмешка, но движения она не замедлила. Примерно определив направление внутренних покоев главного зала, она устремилась к крыше, но не ожидала, что там, на черепице, уже лежал человек в зелёном, сияющем чистотой одеянии.

Цзин Жань:

— ...

Чжансунь Циму одновременно подняла голову. Её фениксовы глаза на мгновение скользнули по Цзин Жань с оттенком изумления, затем она снова приняла серьёзный вид и молча уставилась на неё чёрными блестящими глазами.

Даже вынужденно лежа, она не утратила ни капли своей благородной чистоты, выглядело так, словно она просто лежала у себя дома на крыше и смотрела на звёзды.

Цзин Жань невольно скривила губы, бесшумно ступая по черепице, подползла к Чжансунь Циму и тоже легла, заглядывая в проделанное в крыше отверстие.

Цзин Жань не заговорила, Чжансунь Циму тоже молчала, но её по-прежнему был прикован к профилю Цзин Жань.

— ...Ты ещё не насмотрелась? Смотри вниз!

Цзин Жань чувствовала, что её лицо уже пылает от этого горячего взгляда, и не выдержала, передав голосом:

— Смотри вниз!

Её приятный голос, кроме легкого упрёка, содержал в себе что-то неуловимое.

Холодные глаза Чжансунь Циму чуть изогнулись, и даже густой холодный аромат снежного лотоса вокруг неё словно смягчился. Её взгляд снова опустился вниз.

Автор хочет сказать: Автору нечего сказать.

<http://bllate.org/book/16717/1536992>